

ВЕНЕРА — МОСКВА — ЮПИТЕР

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

НИК МОНК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Венера-Москва-Юпитер

Ник Монк

**Венера-Москва-Юпитер.
Книга первая: Через тернии**

«Автор»

2026

Монк Н.

Венера-Москва-Юпитер. Книга первая: Через тернии /
Н. Монк — «Автор», 2026 — (Венера-Москва-Юпитер)

Космос не признаёт границ земных цивилизаций, а жизнь — наших планов. Человечество вступает в новую космическую эпоху, не успев повзреть, и переносит за пределы Земли старые раздоры: экономические, политические и цивилизационные. То, что в начале XXI века преподавали студентам как теорию, спустя десятилетия стало реальностью: квантовые ускорители, гравитационные двигатели, орбитальные лифты и модификации человеческого тела. Технологии открывают дорогу к тайнам космоса и меняют саму природу человека, обещая новую мощь. Москва. Союз Советских Социалистических Народов России. Александр Вихров — выпускник училища воздушно-космических сил. Он мечтает о службе в глубоком космосе и готовится к распределению в исследовательский корпус. Но один инцидент перечёркивает всё. За несколько дней Вихров теряет статус, прежнее будущее и путь к звёздам. Путь к звёздам не исчезает — он меняет цену.

© Монк Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Венера-Москва-Юпитер. Книга первая: Через тернии

Глава

*Посвящается поколению
Титанов послевоенного возрождения
и моей любимой Маме*

Пролог

— Минхо, что у тебя на радарх? — спросила стройная девушка, входя в рубку пружинистым шагом. Не дожидаясь ответа, она склонилась к мониторам над плечом дежурного механика. — Как, теплоотведение справляется? Сколько до завершения разгона?

Стремительным движением она закинула за ухо две непокорные пряди, выбивавшиеся из короткой причёски. На лице не осталось и следа от короткого сна, который она себе позволила впервые за последние двое суток.

— Капитан, набор крейсерской скорости завершим через семнадцать минут. — Джиён, дежуривший на пульте механика, развернул перед ней персональный визор. — Эта русская разработка выдала 7% экономии в режиме 1,2g за последние четыре часа, пока вас не было на мостике, госпожа.

— Радары стабильно ведут две преследующие нас цели, капитан. Ускорение — 1,2g. Дистанция — 150. Перехват исключён. — По лицу пилота пробежала тень неуверенности, голова едва заметно ушла в плечи. — Последний час наблюдаем три новые метки класса фрегат. Идут пересекающимся курсом вдоль внутренней границы пояса. Сигнатуры — в пассивном режиме сопровождения. Вероятность перехвата ниже 10%.

Поняв, что выговора не последует, он повернулся в кресле, выражая готовность выполнить любое её распоряжение по первому знаку.

— Мы можем оторваться от двух преследователей, перейдя на кратковременное ускорение в 3g, но если при этом надо будет сменить курс, то это полностью разрядит накопители.

Фарфоровое лицо девушки осталось неподвижным, только лихорадочный блеск глаз выдавал возбуждение.

— Джиён, рассчитай карты энергопотребления на манёвр по этой цепочке векторов к точке «В» с максимальным ускорением и определи, когда активировать полог маскировки. Проверь, хватит ли накопителей удержать маскировочные поля под ускорением 3g. — Невольно копируя свою знаменитую бабку, она скупым жестом перекинула на панель механика задание.

Молодая госпожа Тен прикрыла глаза, и пушистые ресницы на мгновение смягчили её лицо. Нежный овал, почти детская беззащитность — именно такой образ наследницы богатейшей семьи мира месяцами не сходил с обложек светских журналов Сеула. Но в рубке на этот счёт давно никто не обманывался. Для «Квансона» это был первый полёт, для экипажа — нет: все давно работали на семью Тен и знали, почему наследницей стала именно она.

— Минхо, вызови на мостик доктора Пака, да и доктора Кима тоже.

Космическая яхта «Квансон-Х» сошла со стапелей лунной верфи «Хэтпит» меньше года назад, и за показной роскошью скрывался универсальный корабль, оснащённый мощной гибридной плазменно-ионной установкой с квантовым ускорителем. По этой причине яхта и была выбрана главой корпорации для проведения эксперимента по созданию первого в истории гиперпространственного перехода. Перед внутренним взглядом капитана замерцали голубые нити схем: «Посмотрим, что ещё сможем выжать из русской разработки.»

Путь от Луны до Марса они проделали вполне спокойно, но на орбите красной планеты начались странности. Сначала им долго не давали коридор, а потом пришлось дважды менять стыковочный док. Дозаправку и техобслуживание перед рывком к астероидному поясу «Квансон» проходил в странном соседстве с двумя транспортами, которые больше напоминали усиленные фрегаты-перехватчики. Теперь же их просто брали в классические клещи.

— Чем могу быть полезен, мисс Тен? — руководитель научной миссии с видимым усилием перешагнул порог рубки и сразу же, не дожидаясь приглашения, присел на свободный

откидной стул. А следом за ним, чуть сгибаясь от непривычной тяжести, вошёл главный инженер по гиперприводу доктор Ким.

— Мы сможем пройти в прокол следом за зондом? — Не открывая глаз, капитан задала вопрос решительным тоном. Она что-то анализировала на визоре контактных линз и не хотела отвлекаться на окружающую обстановку.

— Простите, мисс Тен, это невозможно. — Доктор Пак чуть привстал, но тут же торопливо сел обратно. — Перед нами стоит конкретная задача: протестировать гиперпривод и отправить зонд из точки А в точку В на одну астрономическую единицу. А мы ещё даже не вышли в точку запуска. Вы представляете, что будет, если мы активируем зонд здесь, на виду у всех. Что скажут русские? Как мы объясним, что опередили их на несколько месяцев? Они могут заподозрить, что мы скопировали схему с их экспериментальных зондов.

— Доктор Ким, вы сможете настроить гравитационную воронку достаточного диаметра, чтобы прошёл «Квансон»? — девушка открыла глаза и пристально посмотрела на второго учёного.

— Простите, госпожа Тен, к сожалению, это невозможно. Диаметр прокола рассчитан на прохождение зонда и составляет три метра. И позвольте напомнить, насколько это опасно — ведь это первый экспериментальный запуск, и мы не уверены, что смогли все компоненты повторить точно, как у разработчиков.

— Капитан, карты энергопотребления по заданной цепочке готовы. Желаете ознакомиться?

Девушка коротким движением кисти подхватила результаты на свой визор и вновь прикрыла глаза. В рубке на пару минут установилась уважительная тишина. Потом она махнула в направлении Джиёна: — Проверь. У нас растёт отклонение по импедансу.

— И всё же, доктор Ким, рассчитайте входящую мощность на гипердрайв для прокола в семнадцать метров и оцените время раскрытия воронки. Длина «Квансона» — сорок два метра. Смоделируйте упреждение, чтобы мы успели проскочить.

— Надо считать нагрузку всех компонентов системы. Это небыстро, и я всё равно не уверен в результате.

— Я понимаю. У нас два дрона — смонтируем силовую установку с резервного экземпляра. Даю вам с доктором Паком сутки на разработку решения. Нам в любом сценарии идти до внутренней границы пояса ещё больше сорока восьми часов, тем более с учётом манёвра уклонения.

Юнби Тен открыла глаза, повернулась к пилоту и решительно приказала:

— Минхо, выполняем разгон на 1,5g. Готовимся перейти на 3g через десять часов. Цель — первыми уйти в астероидный пояс. Там окончательно оторвёмся. Идём на точку Лагранжа-1. Они побоятся приближаться к станции наблюдения NASA, где всё слишком на виду. Маскполя — по моей команде. Покинем эклиптику, а когда останется треть пути — встанем под полог.

— Джиён, собирай анализ сигнатур преследователей, а я пока поиграю с ними в одну интересную игру.

Глава 1

— О, чудесное изобретение человеческого гения, вершина достижений цивилизации! — напротив меня уселся Лёха, подбрасывая в руке овощечистку.

— Подвинься по-братски, — Тимоха и Костя втиснулись поближе к чану с картошкой, засунув вёдра для очисток между ног. — Сашок, ты опять лучшую себе забрал?

— Да ещё и напротив головизора места позанимали, — перебил Лёха, расстроено крутанулся к экрану и попробовал устроиться вполоборота. — Может, нас покажут?!

— Кто раньше встал — того и тапки, — усмехнулся я Тимохе в ответ, слегка смещаясь в сторону и протягивая руку к баку за новой картошкой. — Вот незадача! В наш век, когда космические корабли бороздят Солнечную систему, лучшие представители советского народа, триумфально доказавшего превосходство коммунистического образа жизни над загнивающим обществом потребления и наживы, сидят и скребут картоху архаичными овощерезками.

Моё ироничное возмущение поддержали товарищи по команде, хотя, конечно, отрабатывали наряд мы вполне заслуженно с точки зрения общественной морали и, тем более, Устава нашего училища.

— Браты, это... давайте поскромней и пошустрей, — буркнул капитан нашей хоккейной команды Тимофей Кабанов. — До обеда три часа осталось, надо пошевеливаться.

— Фигня вопрос, — хмыкнул Лёха, — подумаешь, центнер картошки перечистить.

— Налегай! Тоже мне — ударник кухонного труда. И поаккуратнее: дежурный проверит, кто сколько срезал. — Тимоха посмотрел на него с ядовитым прищуром, рассмеялся и взбодрил оптимистично настроенного Лёху тычком кулака в плечо.

В этот момент закончился репортаж о достижениях народного хозяйства и началась рубрика «Культура и Спорт». Мы на автомате чистили картошку, всё внимание переключив на головизор. Пропуская мимо ушей анонсы балета «Перигелий» из Большого театра, кинопремьер и музейных экспозиций с артефактами из древних арийских катакомб с севера Урала, мы ждали объявления итогов хоккейного сезона.

И вот, наконец, после сюжетного пака о киберспорте, где рассказывалось, как российская команда участвовала в супер-мега-крутом ивенте какой-то фэнтезийной виртуальности, пошли новости спорта. Следом за интервью с победителями Всесоюзной Спартакиады Народов России на экране буквально на секунду мелькнула итоговая таблица нашего турнира, и симпатичная ведущая лишь объявила о его завершении. Мы разочарованно выдохнули. Ни славы, ни почёта, но хорошо хоть, что о скандальном инциденте не упомянули.

Вчера вечером после матча на трибунах заварилась нехилая потасовка — как раз когда мы, гордо подняв головы победителей последнего сезона Хоккейной лиги военных вузов, шли в раздевалку. К сожалению, с нашим участием. Хотя, если честно, я не сожалел и ещё раз так же врезал бы тому идиоту.

Мы выиграли финальный матч против команды кадетов Академии ракетных войск стратегического назначения со счётом 4:3, забив в последнюю пятиминутку третьего тайма и выстояв в меньшинстве почти всё оставшееся время.

То Лёха, спасая нашего вратаря Петра Ямщикова от скрытого броска, крюком клюшки скопытил нападающего противника, то, едва он вернулся на лёд, сам капитан нашей команды Тимофей в потасовке во вратарской нарушил правила и отправился отбывать штраф.

Мы уже почти в полном составе покинули лёд и скамейку запасных, направляясь в раздевалку под марш космонавтов, аплодисменты и крики трибун.

В ближайшем секторе над нашей скамейкой запасных радостно размахивали руками сокурсницы, которые собрались с разных факультетов поддержать сборную училища. Я заме-

тил, как из соседнего сектора быстро спустился по лестнице и подбежал к кому-то из них массивный блондинчик.

Судя по раскрасневшемуся и не вполне счастливому лицу, он был из числа болельщиков соперников. Почему-то он подбежал прямо к Инге и, энергично размахивая руками, начал что-то ей выговаривать. Инга явно не была рада встрече, но спокойно и немного пренебрежительно отвечала ему, холодно отворачиваясь. Он схватил её за руку и попробовал развернуть к себе. Такой резкости она явно не ожидала и рванулась в сторону. Обидчик чуть не потерял равновесие, соседки Инги прыснули от его неуклюжести. Он дёрнул её за собой, не отпуская.

Увидев это, я не стал ждать: сбросил перчатки, шлем и клюшку на ближайшую скамейку и попёр прямо в коньках на трибуну, перепрыгивая через ступеньку.

Мы с Ингой Буркане учились в одной группе и служили в одном взводе. Она была пилотом разведывательного боевого роботизированного пехотного комплекса, поступила к нам после трёх курсов Рижского политеха и быстро стала своей: доброжелательная, весёлая, уважаемая ребятами. А ещё она мне нравилась.

Подбегая снизу, я лишь услышал обрывок фразы качка: «... наверное, потому что ты кричишь так же, когда тебе приятно...». Это был грубый наезд с намёком на позывной Инги — «Чайка». Я увидел, как у Инги затуманился взгляд, а на лице появились красные пятна. Этого мне хватило: ещё находясь на ступеньку ниже, я дёрнул парня левой рукой за плечо, разворачивая к себе, и пробил в челюсть снизу вверх. Апперкот. Хам пошатнулся, явно теряя ориентацию, но крепкая и тренированная туша не пожелала заваливаться. Он отмахнулся в мою сторону, и в этот момент сверху навалились его товарищи, как теперь было видно по нашивкам — курсанты из рязанского воздушно-десантного училища, издревле нас, космонавтов, недолюбливавшие.

Между нашими училищами давно шло соревнование на извечную тему: «кто круче». Десантники не упускали случая утереть нос космическим выскочкам, демонстрируя силу и выносливость, а мы доказывали своё право летать выше всех ловкостью и смекалкой.

Сзади подключились мои товарищи по команде, которые быстро смекнули, что «наших бьют», и бросились обратно из раздевалки на трибуны. Крепыш, видимо, не очень ещё ориентировался, плюс повлиял толчок подбежавших со спины приятелей: в итоге он, продолжая широко размахивать руками, опрокинулся на меня. Драться в хоккейной амуниции и коньках удобно только на льду, но плюс безусловно был: прилететь могло только по голове. Мимо нас, кувыркающихся по ступенькам вниз, спешили наверх ноги моих друзей.

Девочки у нас в училище только на вид были хрупкие, а на самом деле имели прекрасную рукопашную подготовку. Они забежали на несколько рядов выше, и часть встала в своеобразное оцепление, отсекая подкрепление из соседнего сектора, который почти в полном составе ломанулся к группе своих товарищей на поддержку. Алёна, подруга Инги, втиснулась перед ней, гася конфликт и прикрывая от товарищей грубияна.

Однако всё быстро закончилось, как только появился наряд военной милиции и дежурный офицер от нашего училища. Приплыли. Утешало, что «подвиг» мы совершили коллективный, а значит сверхжестких мер вроде занесения выговора в личное дело, скорее всего, не будет. Тем не менее, видеопрокол инцидента показал, что удар я нанёс первым, и мне пришлось писать объяснительную в парткоме училища. Я, конечно же, ни словом не обмолвился о причине, побудившей меня вступить за честь товарища, сославшись на силовую хватку руки, который я углядел и который расценил как акт агрессии. В общем, загремели мы на хозяйные, получив наряды вне очереди. Так мы оказались на кухне всей хоккейной командой. А мне так и вовсе четыре наряда вlepили, тогда как всем — только по три.

— Курсант Вихров, стой!

Командный голос майора Ступицы, замначальника курса по политическому воспитанию, я узнал сразу. Максим Давыдович подловил меня на втором этаже, у главной аудитории кафедры масс-спектрального прибороведения. Я как раз вышел после последнего предэкзаменационного зачёта.

Вместо того чтобы спокойно готовиться к экзаменам, мне пришлось всех нагонять и закрывать зачётную неделю в числе последних. Хотя по специальности нам и не требовалось ремонтировать оборудование научных или глубоко разбираться в показаниях приборов, по государственному стандарту выпускники нашего факультета должны были иметь воистину университетское, политехническое образование — чтобы мы не только крестовую отвёртку от минусовой могли отличить.

Последние полгода нам рассказывали о приборах, летавших по Солнечной системе. Их было столько, что в ответе пришлось вспоминать целый список — семнадцать аппаратов, которые до сих пор где-то несут вахту в пустоте, хотя связь с ними давно потеряна. Зачёт принимал сам заведующий кафедрой космических аппаратов ИКИ АН СССР¹. Он был требователен к каждой мелочи и чётко дал понять: у них там всё ещё надеются когда-нибудь разыскать и вернуть потерянные аппараты.

И вот теперь, после этого мучительного процесса — ...политрук. Я выпрямил спину, развернулся через левое плечо, слитным движением принял строевую стойку и отдал честь.

— Здрав-жел-тов-майр! — Я внутренне напрягся, ожидая выволочки за дисциплинарный залёт. Наряды были отработаны, но, зная въедливый характер Максима Давыдовича, куда больше опасался другого: сейчас он с человеческим участием и теплом начнёт выяснять подноготную драки. И ведь шиш открутишься, если зацепится.

После отработки я встречал Ингу пару раз в коридорах учебного корпуса, но последние дня три она куда-то пропала. В первую встречу она сразу подошла и тепло меня поблагодарила, заглянув мне в глаза так, как только она умеет: смело, даже немного отчаянно и при этом очень доверительно. Но этот взгляд длился недолго, и она в своей весёлой манере заявила, что зря мы всё это до драки довели, мол, она и сама бы обидчику штаны на голову натянула. Когда она ушла, всей своей походкой демонстрируя независимость, у меня всё равно ещё долго держалось приятное чувство, что я поступил правильно. В тот раз я, правда, так и не решился спросить, что тому блондинчику было надо.

— Вольно! — издали махнул рукой наш духовный наставник и идейный вдохновитель.

Вряд ли, конечно, он меня специально подловил, как я сначала подумал. Скорее, сработал его талант. Он всегда сходу мог мгновенно сориентироваться и выдать либо мудрое и полезное, либо озадачивающее и обязательное к исполнению для любого курсанта, с кем бы он и где бы ни встретился. Такой супер-реакцией и сообразительностью на поручения не мог похвастаться ни один из офицеров-наставников нашего потока, поэтому мы молча внимали и перенимали мудрость и опыт. Замполит подошёл достаточно близко и остановился в пятне солнечного света, блестящем на начищенном первокурсниками паркете. Прозрачное окно, почти неразличимое в лучах света, к слову, тоже было старательно намыто безропотными первокурсниками.

— Осознал? — строго спросил майор, имея в виду недавние события. — Позор для училища — устроил драку в общественном месте! Центральные трибуны Ледового дворца в Лужниках!

— Больше не повторится! — энергично ответил я и, всем видом демонстрируя раскаяние, замер с серьёзным и немного печальным выражением лица.

¹ ИКИ АН СССР — Институт космических исследований Академии наук Союза Советских Социалистических Народов России

— Это кто бы мог подумать! Хорошо ещё, что головидение не показало вашу потасовку. Задумайся, что было бы: попади этот выговор в твою характеристику. И это как раз перед распределением! Так и до штрафбата недалеко. — Он испытующе посмотрел на меня.

— Что невесел — нос повесил? — спросил или скорее констатировал майор, и, не дожидаясь ответа, сразу же закончил:

— Держись, боец! Пятый курс, он — что...? Правильно! Он — трудный самый! И, как нас учит партия, и говорил товарищ Ленин: «Учиться, учиться и ещё раз учиться!»

Пожурился, проведя воспитательную работу и подбодрив, он вздохнул и задумчиво остановил взгляд на моём лице.

Вообще-то, с Максимом Давыдовичем у меня сложились добрые отношения. Потомственный кубанский казак, майор частенько шутил, мол: «Пока коня с реактивной тягой не придумали, казаку в космосе делать нечего».

Поскольку он с детства увлекался книгами про космос, назначение в наше училище воспитателем подрастающего поколения космонавтов он воспринял с радостью. А училище было лучшим в Союзе. Об этом Максим Давыдович без устали напоминал, требуя, чтоб мы гордились, что учимся в Краснознамённом ордена Ленина Высшем командном училище Воздушно-Космических Сил Союза Советских Социалистических Народов России имени Юрия Гагарина. И мы это крепко усвоили за последние пять лет.

Мне же, как бывшему секретарю комсомольской организации училища, приходилось с ним много общаться по работе. Лишь в конце прошлого учебного года общественную нагрузку мне пришлось снизить: по здравом размышлении я признал, что он был прав — пятый курс самый сложный.

Моё желание уйти с должности секретаря комсомольской организации училища политрук принял не сразу. Это настолько значимая должность, что раньше никому и в голову не могло прийти отказаться от неё по собственной инициативе. Дальнейшая карьера по партийной линии почти всегда складывалась очень интересно и благополучно. Правда, было при этом и одно «но», которое для меня перевешивало все плюсы. Партийное назначение — это всегда заместитель. Пусть с огромной властью и полномочиями, но заместитель. Капитаном не стать. Первым на корабле после Бога не стать.

Мне приходилось быть очень аккуратным — ведь стремление быть первым не вполне соответствовало заповедям строителя коммунизма. В нас со школьной скамьи вкладывали, а иногда и вдавливали, что общественное превышает личное, что ставить во главу угла своё желание стать начальником — проявление нескромной амбиции, а то и болезненной самовлюблённости. При этом нас всех готовили как людей, готовых принять ответственность за жизни других. И в этом-то и было всё дело: быть капитаном космического корабля, иметь возможность выбрать курс и первым проложить путь к звёздам — именно в этом заключалась моя мечта. В общем, тут всё на грани. Поэтому я учился и старался в первую очередь доказывать всё результатами. Дальше эту риторику развивать не буду, там много куда и, страшно подумать, как глубоко можно забуриться.

Помню наш первый обстоятельный разговор после того, как я подал заявление об отставке с должности секретаря. Мы обсуждали мой выбор жизненного пути в его маленьком кабинетике на четвёртом этаже, насквозь просвечиваемом солнечными лучами, в которых невинно кружилась весенняя пыль, хотя вокруг было образцово чисто. За приоткрытым окном умиротворяюще шумел парк, и где-то вдали раздавались мирные звуки города, который никогда не спит, а между нами — воздух трещал от напряжения.

Отругав меня за малолетнюю дурость и припугнув пятном на биографии на всю жизнь, политрук битых шесть часов пытался до меня достучаться. Он не жалел ни сил, ни времени, разъясняя, как это почётно: вступить в партию, ну и дальше идти туда, куда она, эта самая партия, пойдёт. А пойдёт, как водится, на самый ответственный и трудный участок. И пер-

спективы были очень заманчивыми: международная работа, передовые стройки космической инфраструктуры, научные коллективы и прорывные опытно-конструкторские проекты с высоким уровнем доступа.

Мне стоило больших усилий выстроить разговор так, чтобы уважительно и аргументированно отстоять своё стремление в дальний космос. Не как юношеское желание помотаться в пустоте с капитанскими нашивками и рельсотроном наперевес, а как взвешенный и полезный вклад в освоение космоса и развитие народного хозяйства. Эх! После нескольких месяцев переговоров он наконец утвердил моего зама Фёдора Пролетаева секретарём комитета комсомольской организации училища.

После команды «вольно» в нашем училище можно было свободно общаться, обращаясь по имени-отчеству и без званий, поэтому я доброжелательно улыбнулся собеседнику, показывая, что готов внимательно слушать. Максим Давыдович, не найдя на моём лице энтузиазма броситься на великие свершения немедленно, тоже улыбнулся и констатировал очевидное, не преминув поддавить в очередной раз:

— Последний зачёт сдал — готов к выпускным экзаменам. А там и распределение по местам службы не за горами. Подумал, что будешь делать, если подзавалишь квантовую физику или навигацию?

Он многозначительно помолчал и добавил:

— Если не попадёшь в топ-пять операторов БРПК¹?

Он задумчиво сложил губы трубочкой и, мягко, с заботой поделился, поглядывая куда-то вправо, на стену, где висели портреты великих отечественных инженеров, конструкторов и учёных, внесших огромный вклад в развитие космических технологий:

— Мне разрядка пришла на двух стажёров — младших офицеров в ГПУ: парень и девушка. Вот думаю, кого выбрать. Представляешь, такое второй раз на моей памяти за всё время: сразу в центральный аппарат главного политуправления! — Он воодушевлённо повысил голос и пристально посмотрел мне в глаза, следя за реакцией. — Так-то ты отличник учебной и боевой, экзамены сдашь, ну, может, только иная если... А тут, считай, — гарантированная путёвка на интересную работу и переживать не надо: окажешься среди лучших или нет.

— Ну, английский у меня на отлично, а китайский, конечно, хромает, но он факультативно идёт.

В душе я не мог вообразить, где мне в космосе понадобится иностранный язык на таком уровне, как нас учили. В экипажи уже давно брали только русскоязычных, а перетереть где-нибудь на лунной базе на английском про чашку кофе — для этого пять лет углублённого специализированного инженерно-технического языка не требовалось.

Как бы там ни было, намёк Максима Давыдовича дорогого стоил — действительно крутое предложение для выпускника и редкий шанс для любого. Мне пришлось приложить усилия, чтобы не улыбнуться его хитрому манёвру, а максимально серьёзно задуматься. Я давно отработал эту технику: надо искать встречное конструктивное предложение, в данном случае — другую, более подходящую кандидатуру.

К сожалению, лучше всех как раз подходил Федя Пролетаев, но ему ещё год до выпуска. Подставлять ребят-сокурсников, которых я отлично знал почти всех, кроме, может быть, нескольких научных — морально было трудно. Мы часто с воодушевлением и почти фанатичным блеском в глазах говорили об экспедициях в глубокий космос, мечтали, как вместе открываем новые планеты и выкручиваемся из нештатных ситуаций.

Да, конечно, у меня мандраж присутствовал. Не так-то это и просто выбиться по всем экзаменам в пятёрку лучших, чтобы наверняка получить распределение в группу исследования

¹ БРПК — боевой роботизированный пехотный комплекс

Дальнего космоса. Но сразу сворачивать с намеченного пути и отказываться от мечты как-то слабовато для меня — поборемся. Пожалуй, белый камень можно метнуть в адьюнктов.

— Я бы рекомендовал Тихонову Ларису с аппаратной биоэнергетики. Её такое предложение точно заинтересует, особенно если дадут доступ к «Столыпину».

Переведа взгляд вверх, я сделал вид, что продолжаю обдумывать кандидатуры, и добавил:

— Она на прошлой неделе подала заявку на диссертацию по проблемам матмоделирования новых предпочтений в социальных системах с неопределённостью, или что-то в этом духе.

Товарищ майор строго на меня посмотрел и уже без улыбки сказал:

— Ладно, про Ларису хорошая идея, она имеет все шансы перейти на аналитическую работу. Поглядим. Сам-то, смотри, чтоб экзамены не завалить, а то потом и пожалеть можешь. И чтоб без приключений!

Он опять бросил взгляд на стену, на тот же портрет, как мне показалось.

— Буду стараться и выложусь по полной, — уверенно сказал я, про себя гадая, верна ли моя догадка: не мою ли кандидатуру он прикидывает для той самой первой межзвёздной экспедиции, о подготовке которой мы уже два года догадывались по косвенным разговорам. Интуиция у меня сработала. Ощутил я некоторую недосказанность и на кончиках пальцев почувствовал значимость этого разговора. Мне очень хотелось повернуть голову и проверить своё подозрение — чей именно портрет висит в этом месте на стене.

В этот момент мимо нас прошла группа курсантов-первогодков вместе с сержантом-наставником. Они мигом перешли на строевой шаг и промаршировали мимо майора, отдавая честь. Первогодки все как один были в полной форме, как на парад. Ну и правильно: экзамен — всегда праздник.

Воспользовавшись моментом, бросил короткий взгляд за левое плечо и с внутренним удовлетворением убедился, что наблюдательность меня не подвела: на стене был портрет Владимира Семёновича Леонова — изобретателя, учёного, автора теории Суперобъединения. Вот никогда специально не запоминал, но на подкорке отложилось.

Именно многотактовые гибридные квантовые двигатели, сконструированные и запущенные в производство на основе прототипов Леонова, сейчас вводили в серию на советских кораблях, строящихся на орбитальной верфи Луны. И моё зародившееся подозрение окрепло: что-то майор обдумывал параллельно с нашим разговором и не так уж хотел меня по разрядке сагитировать.

— Ты же собирался куда-то идти? — повернулся ко мне Максим Давыдович. — Пойдём вместе, а то сейчас тут в аудитории все группы первых курсов пойдут. Пройдусь с тобой до улицы.

Мы быстрым шагом дошли до лестницы и спустились на крыльцо. Он повернул в офицерский корпус направо, а я — налево, в сторону казармы. На прощание Максим Давыдович ещё раз мне напомнил:

— Подумай над моим предложением. Хороший шанс — и в космос гораздо быстрее попадёшь, нам такие специалисты нужны.

Очень хотелось поесть, но даже во время выпускной сессии тренировки никто не отменял. Я свернул к стадиону. По расписанию меня ждал спарринг с космодесами четвёртого курса. Ребята хоть и были моложе, но ни разу от этого не становились мальчиками для битья.

Наше училище находилось в излучине Москвы-реки, недалеко от Карамышевского спрямления. Его построили недавно, лет десять назад, и это было видно по ампириной архитектуре, как раз тогда вошедшей в моду.

Я прошёл вдоль нагретой солнцем стены главного корпуса и свернул вглубь территории к плацу. Даже отсюда было видно, что на стадионе, расположенном ближе к берегу реки, уже начинается тренировка. Мне ещё предстояло пройти корпуса казарм и офицерское общежитие, и я стал разминаться на ходу. Живот предательски заурчал, когда я миновал правое крыло главного корпуса, где располагалась столовая. Чтобы заглушить ароматы, доносившиеся с кухни, я глубоко вдохнул влажный весенний речной воздух, наполненный запахами пробуждающейся зелени и терпких клейких листочков, которые разворачивались прямо на глазах под тёплым солнцем. Благодать, только отдыха не видать.

По мере приближения к стадиону стало понятно, что сегодня у нас сводная тренировка разных курсов: человек сорок встали в круг, разбились по парам и активно отработывали элементы русбоя. Вдоль кромки стадиона стояло несколько свободных от зачётов и занятий ребят с разных потоков, среди которых я узнал знакомых девчонок с факультета планетологии.

Беднягам не повезло. На протяжении многих поколений курсантов и студентов гражданских специальностей их, конечно же, в шутку называли астрологи-венерологи, хотя на самом деле они были астрофизиками-планетологами. Вообще-то их было удивительно здесь видеть, ведь они в полном составе уже полгода, если и появлялись в училище, то на выходные, да и то застать их можно было в основном только в библиотеке. Последнее время они не вылезали из ИКИ Академии наук.

Прозвище прицепилось давно: советская, потом российская, а теперь снова советская российская наука десятилетиями успешнее всех занималась Венерой. В мировом научном сообществе её даже прозвали Русской планетой. История забавно повторялась: когда-то Русским называли и Чёрное море, и Ладожское озеро. Смешные люди — сначала сами прозовут, а потом столетиями затаптывают факт и искореняют всякое упоминание.

Перейдя на бег, я помахал знакомым рукой и забежал в раздевалку, где меня ждал сменный комплект спортивной формы и защита для тренировки. Закончив разминку, я по указанию офицера-куратора встал во внутренний круг космодесантников. Курсанты выполняли упражнения в ратном коло: бойцы разбились на два круга — внутренний и внешний. Стоя друг напротив друга, мы по очереди проводили короткую атаку и отработывали защиту, потом один из кругов по команде тренера смещался, и противники менялись. Через три боя я схлестнулся с Лёхой, который играл защитника в нашей хоккейной команде, и мы оба тут же заработали штрафные очки за мягкую манеру спарринга. Рядом где-то взревел Петя Ямщиков, наш вратарь, кося сажень в плечах, после чего последовал смачный «Хэк!» и гулкий удар об землю, видимо, Петя кого-то перевёл в партер на добивание.

Со всеми космодесами, которых за взрывной характер боя в спарринге частенько называли космобесами, я был лично знаком и отлично знал, как их весёлый нрав на вечеринке, так и манеру лупить от души на ринге. Ребят отбирали по специальной медицинской программе: выносливость, сила и абсолютная непробиваемость, то есть психологическая устойчивость. Их добродушие могло сравниться только с их самоотверженностью.

Поскольку советская медицина не одобряла нейроимпланты и генные модификации, мы развивали природные качества и опирались на возможности организма. После открытия профессором Шведовым биоэнергетического контроля появились методики, позволявшие безопасно выводить человека на кратковременные пиковые нагрузки. Учили этому избирательно: только в нескольких специализированных училищах вроде нашего, после индивидуального отбора и специальных испытаний. И под грифом «секретно».

Раньше такие вещи относили к чудесам стресса: мать поднимала машину, спасая ребёнка, человек выживал под бетонной плитой. Шведов доказал, что часть этих механизмов можно контролируемо включать и гасить без ущерба для организма.

Я пока держался, но справа и слева то и дело кто-то вылетал из круга, вскакивал, отряхивался и бежал обратно на своё место. Удары становились тяжелее, дыхание сбивалось, посте-

пенно я чувствовал, как руки наливаются тяжестью. Стало заметно труднее, когда прозвучал сигнал и мы поменялись сторонами. Теперь я стоял во внешнем кольце и коловращение продолжилось. Прозвучала команда сжать строй и биться стало неимоверно тяжело из-за тесноты и внезапно прилетающих чужих ударов. Как наши предки мечами махали от рассвета до заката — ума не приложу. Одно слово: «богатыри — не мы».

Следующим моим соперником неожиданно оказался Федя Пролетаев. Мы с Федей приятельствовали с моего второго курса, когда он только поступил и сразу самовыдвинулся в наш политкружок от ракетчиков. Политинформации он готовил блестящие: знал по именам и биографиям политических деятелей, разбирался в течениях и группах влияния глобалистского капиталистического блока, международных корпорациях и тех фантомных государствах, которые они успели вокруг себя нарастить.

В общем, за три года он заработал авторитет своими знаниями и аргументированной позицией, продвигающей политику партии и народа, да и парнем оказался хорошим, так что вполне заслуженно и справедливо на общем голосовании комсомольского собрания училища был избран секретарём комитета ВЛКСМ¹ училища.

Тем неожиданнее было получить от него хитрый, я бы даже сказал, коварный удар. Я даже не понял сначала, что произошло. Он воспользовался сутолокой коллективной драки, подсел под мой блок и из приседа ударом ноги в бедро добавил мне вращения, выкидывая под удар соседнего бойца. Чужой удар, предназначавшийся соседу, вышвырнул меня из коло. Отряхнувшись и прохрустев шеей, я вернулся в строй, но хитро улыбнувшийся Федя уже сместился к следующему противнику, а мне пришлось отбивать атаку космодеса на голову выше меня. Я не успел даже толком встать в стойку, как опять сделал кувырок назад через спину, компенсируя очередной мощный удар в грудь.

Тренировка закончилась индивидуальными спаррингами. Мы столпились вокруг импровизированной арены и криками подбадривали товарищей. Шум поднялся на всю Москву. Финальный пятиминутный бой выдержали несколько десантников, и победитель был определён по очкам. Он традиционно получил желанную увольнительную в город и звание «Коловрата».

Распрощавшись с товарищами, я спокойно привёл себя в порядок. Сменил форму и не торопясь пошёл в столовую. Солнце припекало, и ветерок с реки под прикрытием густой тени от ветвистых лип на аллее приятно охлаждал мокрые после душа волосы.

Мысли вернулись к разговору с майором Ступицей. Всерьёз думать над его предложением, конечно, я и не собирался, но важность его рекомендации нельзя было недооценивать. Именно его заключение, помимо табеля с оценками и характеристики от начальника училища, определяло, куда направят выпускника. А после недавнего разговора с ним у меня забрезжила надежда, что есть шанс перепрыгнуть сразу несколько этапов подготовки и всё же попасть в экипаж рейдера «Сварог», сошедшего на днях со стапелей лунной верфи Союза. Корабль был спроектирован для первой межзвёздной экспедиции, старт которой Академия наук объявила на следующий год. Здесь я мог рассчитывать только на свои показатели по квантовой эмпатии и рекомендацию политрука.

Я зашёл в столовую в задумчивости, не глядя по сторонам, и набрал поднос: первое, второе и компот. В зале, рассчитанном на двести курсантов, на этот момент было мало людей. Во-первых, не положено, а во-вторых, все на сессии. Это нам, выпускникам, хорошо: можно в любое время быть в столовой, ведь у всех перед экзаменами последние полгода индивиду-

¹ ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи

альный график. Хотя многие ребята из космодесанта, например, ещё даже не вернулись и проходят полевую аттестацию. Выездная сессия, так сказать, — нам сегодня в каком-то смысле повезло, что самых сильных бойцов на стадионе не было.

Квантовая эмпатия — ключ к современным полётам в космосе. Даже квантовые ускорители в руках пилота с развитым навыком эмпатии выводили навигацию на недостижимый уровень. Что уж говорить про современные гибридные квантовые силовые установки вроде тех, что стояли на «Свароге».

И здесь не было никакой магии. За время учёбы нас крепко подковали по теории квантовой физики и высшей математике, но главный упор был на практические навыки. Скорость принятия решений и выбор цепочки векторов траектории мы нарабатывали как на базе маломерных судёнышек, вплоть до дронов охранных комплексов, так и на симуляторах тяжёлых кораблей типа «Сварога». Автономные экспедиционные космолёты дальнего радиуса действия были нашей общей мечтой и целью всех устремлений.

Это и определило мой выбор: за год до поступления открыли факультет аппаратной квантовой энергетики, куда я и поступил в надежде освоить новейшую технику, воплотившую передовые разработки на основе теории квантованного пространства. И ни разу не пожалел — мой расчёт оправдался. Почти оправдался.

Преимущественно выпускники нашего училища направлялись на объекты космической инфраструктуры орбитального и ближнего космоса, я же мечтал попасть в исследовательский корпус.

Мою мечту на первом курсе укрепила лекция Сергея Фролова — нашего героя-космонавта, участника международного перелёта на Марс. Он страховал высадку американского экипажа, хотя наших космонавтов тогда в группу высадки не включили.

Именно советские системы автоматического сопровождения — так в пятидесятые назывались прототипы современных квантовых дронов — спасли экспедицию после аварии. Наши дроны семь раз ходили между орбитальным модулем и модулем высадки, пока не восстановили его работоспособность и не обеспечили возвращение экипажа на орбиту.

Незаметный подвиг команды Фролова меня так впечатлил, что я укрепился в своём выборе и подал заявление на нашу кафедру пилотирования и навигации.

В нашей навигационной группе пилотов с квантовой эмпатией растили особым образом, холили и лелеяли: способность проявлялась в мгновенной оценке факторов для выбора навигационных координат и векторов курса движения. Мы тренировались чувствовать векторы движения на сетке силовых линий пространства и прокладывать безопасный маршрут корабля с наименьшими затратами времени и энергии.

После щей с нежной тающей во рту говядиной я переключился на двойную порцию бефстроганова с пюре и малосольным огурчиком, заедая стресс и поглядывая на экран головизора, где показывали международные новости.

Сообщалось о бое между караваном транспортных кораблей какой-то корпорации и неустановленными фрегатами. В результате экипажи пропали без вести, а груз редкоземельных металлов, добытых на одном из астероидов Главного пояса за Марсом, был полностью уничтожен. Кадры из репортажа западных средств массовой информации сопровождалась комментариями нашего диктора, который с сожалением отмечал, что космос уже давно перестал быть мирным из-за агрессивной политики транснациональных корпораций.

От очередного хрустящего огурчика меня ненадолго отвлёк эпизод, где торпеда разорвалась у борта атаковавшего транспорт фрегата и отправила его в неконтролируемое вращение. На советские караваны пока не нападали, но в голосе диктора легко читалась обеспокоенность, что это может затронуть и наши интересы в ближайшем будущем.

Затем последовал эпизод с Марса, куда наша делегация прибыла с культурной миссией в одну из колоний. Долго ждать не пришлось: комментатор, на фоне предыдущей новости,

заверил зрителей, что наша страна не потерпит не только нападений, но и угроз в адрес наших специалистов в космосе.

Завершал блок международных новостей из космоса материал дружественного китайского корреспондента, сообщавшего о пропаже за орбитой Юпитера корейской частной яхты с одним из высокопоставленных членов семьи, которой принадлежит ведущая глобальная и космическая ресурсодобывающая корпорация из списка Пятисот. Высокопоставленным членом семьи оказалась довольно юная и симпатичная девушка, судя по фото в углу экрана, — чья-то наследница. Хотя кто их там разберёт в этой Южной Корее: может, ей уже глубоко за пятьдесят. Я усмехнулся, подумав, что вот так приударить за барышней, а в самый интимный момент ей внук позвонит.

Наш обозреватель, убелённый сединами мужчина в строгом тёмно-синем костюме и блестящих туфлях, сопроводил новость сочувственным комментарием. Весь советский народ, по его словам, выражал надежду, что яхта пропала со средств наблюдения не в результате нападения пиратов, а вследствие технических неполадок экспериментального двигателя — и вскоре экипаж справится с трудностями и благополучно вернётся на Землю. К сожалению, космос не прощает ошибок, особенно при испытании новых технологий. Это у меня вызвало лёгкое удивление: с какой стати мы тут всем сочувствовать начали, но я быстро переключился на компот.

Я вытряхивал из стакана последние ягоды, запрокинув голову, когда в зал вошли две девушки и несколько парней. Стоило им пройти со света вглубь зала ближе к раздаче, я узнал однокурсников: Ваньку Рокотова, моего приятеля по навигационной группе и товарища по взводу, двух неразлучных подруг Лань Хуа вместе с Паленой Коптевой и ребят-космодесантников.

Палена гордилась своим именем, образованным из двух слов: «Партия» и «Ленин», — и никому не давала шутить над её родителями, ревностными приверженцами коммунистической идеологии. Мои родители как-то поделились со мной, что они тоже подумывали назвать меня Виленом, когда после Социалистической революции, в середине сороковых, активно возобновилась мода на образование новых слов и имён. Оказавшись не в первый раз за современную историю в изоляции, люди старались сохранить русский дух и категорически не хотели заимствований. Никто в армии не хотел пользоваться «плазмоганами» и «бластерами», так, например, появился «плазмёт» — ручной плазменный метатель, который был широко распространён в армии и службах охраны порядка.

Лань Хуа и Палена заканчивали по профессии «специалист по полезной нагрузке». Как только над этими хрупкими, ростом чуть выше среднего, девушками не подшучивали на вечеринках: и грузчиками, и завскладом называли. Одна брюнетка, другая блондинка — они больше напоминали модели для буржуазных журналов моды, чем специалистов, умеющих скомпоновать тридцать тонн груза на борту космолёта и обеспечить надлежащие режимы хранения, транспортировки, изоляции и ещё о-го-го чего всякого.

Я их работу очень уважал: обеспечение систем БРПК было полностью на специалистах по полезной нагрузке, включая роботизированный ремонтный комплекс. Научники их тоже на руках носили — они могли из гуано и палок починить любой прибор. Ну, это я, лишку хватил, конечно, но так, в принципе, и должно быть — их этому тоже учат. Хотя им хватило бы почёта и славы, даже если бы они такой ремкомплект просто смогли в космосе найти.

Лань Хуа, которая между нами уже давно стала Ланой, увидела меня и подняла руку в приветствии. Палена развернулась следом за ней, машинально помахала в моём направлении и только, узнав меня, всплеснула руками и развела их в стороны, как бы говоря: «Вот те на!». Я улыбнулся и махнул им в ответ, приглашая за свой столик, поднял пустой стакан из-под компота и несколько раз в него указал пальцем, намекая, чтобы они захватили мне ещё один.

Скоро вся ватага подвалила ко мне с подносами, заставленными двойными порциями у ребят и скромными салатиками у девушек. Рокотов к нам не подсел, а увидев Алису, космо-

биолога с четвёртого курса, подходящую с подносом на раздачу, махнул нам и переключился на неё.

Пётр Ямщиков, самый большой в объёме, раньше сказали бы — косая сажень в плечах, поставил поднос, Костя и Лёха сели рядом, и мы сделали нашу командную хоккейную отбивочку. Настроение у ребят было приподнятым, как обычно и бывает после свалившегося с плеч, пусть и ненадолго, груза завершившейся зачётной недели. Я принял от Палены свой компот и с удовольствием наблюдал, как товарищи набросились на еду:

— Как сдали?

— Норм!

— Зачёт — он и в Африке зачёт! — жуя, буркнул Пётр.

Лана посмотрела на него с игривым возмущением и спокойно расставила тарелочки и приборы на стол, убрав пустой поднос на свободный стол рядом, но обратилась ко мне:

— Сам-то как?

— Тоже отстрелялся, надо было потеряшки перечислить. — Я по своей стародавней привычке всегда вызывался первым и поэтому раньше освободился. Сейчас народ будет прибывать в геометрической прогрессии.

— А мне выпал фитосанитарный контроль гидропонных установок! — Возмущённо прочавкал Костя. — Вот я настрадался, как хоть что-то наскрёб — ума не приложу.

— Неожиданно. Вы же пустотную архитектуру вроде сдавали? — Заинтересованно подняла бровь Палена.

— Там аж два курса было сразу: пустотка и эргономика, чтоб ей пусто было, — вступился Лёха.

— Блин, и нафига нам это всё вдалбливали, ведь завтра же забуду.

Пётр выдержал короткую паузу.

— Опа, уже забыл, — разулыбался он.

— Сашок, слышал: нас на товарищеский матч-реванш ракетчики вызывают на этих выходных, — спросил меня Лёха, который играл защитника в нашей команде, — мне Тимоха сегодня утром сказал, что ему сообщение от их капитана пришло.

Тимоха, капитан нашей сборной, был Лёшиным соседом по кубрику. Мы жили в двухместных комнатах в казарме, кстати, как раз напротив столовой. Такой чести мы удостоились с переходом на пятый курс — почти офицерское общежитие, как-никак. До этого с первого по четвёртый курс мы жили в корпусе, который располагался за стадионом у дальнего забора, ближе всего к Москва-реке.

— Вот хитрецы! — возмутилась Палена. — Знают, что у нас с понедельника экзамены. Сами-то, в РВСН¹, поди, ещё и не начинали сессию сдавать.

— Если вы впишетесь, то давайте на субботу, обещаем: мы, соберём девочек и придём болеть, — поддержала Лана. — А за воскресенье успеем мозги в кучу собирать перед экзаменом.

Эта фраза: «мозги в кучу собирать», — в её исполнении прозвучала очень забавно и мило, с непередаваемым китайским шармом.

— Сегодня среда — всё успеем, — откинулся от пустой тарелки Пётр. — Напишу Тимохе, пусть запустит тему в чате, что мы поддерживаем?

И он вопросительно обвёл нас взглядом. Мы согласно кивнули.

¹ РВСН — здесь имеется в виду Академия ракетных войск стратегического назначения

Глава 2

Вернувшись в офицерское общежитие, Максим Давыдович сменил полевой комбинезон, в котором любил ходить по училищу, на служебную форму и занялся настройкой охранного комплекса на комме. Как носитель гостайны, он был обязан активировать дрон-охранник и подключаться к нейросети оперативного штаба Министерства обороны при любом передвижении вне охраняемого периметра, даже если ему предстояло всего лишь прокатиться на такси до центра Москвы.

Майор Ступица надел неброское кольцо сканирующего модуля на средний палец левой руки, и тонкая паутинка, соединяющая его с коммом, плотно прижалась к коже. Комплект довершали линза, наушник и биоэнергетический дрон, вставленный в специальное углубление на кольце. Пока носитель находился вне защищённого периметра, дрон держался рядом, отслеживая угрозы и страхуя хозяина.

Сегодня его ждали в Пятом отделе ЦК, отвечавшем за приоритетные фундаментальные научные исследования и программу освоения космоса. Речь шла о ежегодном распределении выпускников. Ещё в январе Ступица получил предварительные заявки и профили требуемых кандидатов; теперь предстояло для каждого наметить план на два-три года и сформировать кадровый резерв для наиболее ответственных государственных проектов.

Заслуженного ветерана переполняла гордость, когда он думал о том, как изменилась страна за последние пятьдесят лет — и что в этих переменах есть его вклад. Безработица, перепроизводство кадров по невостребованным специальностям исчезли вместе с кадровыми агентствами и новоявленными «академиями» и «университетами». Образование встроилось в плановую экономику социалистической России и больше не торговало надеждами: оно готовило людей под реальные задачи народного хозяйства.

Революция застала его в Краснодаре. Он помнил тот тёплый осенний день 2037 года, когда сотни тысяч людей вышли на улицы во всех городах страны. К тому времени почти не осталось тех, кто верил, что личное богатство — путь к успеху, а свободная конкуренция — путь к процветанию общества. Манипуляции персональными данными на уровне частных компаний и корпораций довели страну до взрыва. Народ требовал справедливости: вернуть себе власть над собственной жизнью. На плакатах повторялись два лозунга: «Государство — это мы!» и «Долой частную собственность на средства обработки личных данных!». Так началась Народная Социалистическая Революция.

Максим Давыдович тогда был совсем мальчишкой и только вернулся с фронта. Боевое братство не дало ему потеряться: помогло войти в партийную работу и направило на переподготовку в числе первых молодых коммунистов. С самого начала он попал в рабочую группу, отвечавшую за кадровое направление в создававшейся системе государственного планирования. После национализации средств производства и обработки данных стало ясно: новая экономика выстоит только в том случае, если ведомственные нейросети научатся работать согласованно. Бессонными ночами он, как и сотни добровольцев, отрабатывал алгоритмы принятия решений, пока на севере страны строились целые города-центры обработки данных. Во многом благодаря этой работе уже через три года экономику удалось перевести на социалистическую модель производства и потребления, а в 2046 году в стране отменили деньги.

Сейчас перед ним стояла, наверное, самая ответственная задача за всю службу: отобрать лучших для проекта, сулившего революционный прорыв в космической навигации дальних полётов. Серия экспериментов должна была предварить внедрение гиперпространственного квантового привода и сделать реальной мечту всего человечества — пойти до экзопланет у чужих звёзд и однажды обосноваться там.

Максим Давыдович поднялся на крышу офицерского корпуса и вызвал такси. Визор ассистента на руке показал, что через три минуты прибудет турболёт «Онега». Это была довольно старая модель с семью турбинами, забранными в горизонтальные кольца по периметру салона, но вполне надёжная и способная перевозить до шести человек.

В этот раз никто не мог присоединиться к поездке, и ему точно предстояло лететь одному — пунктом назначения была башня Верховного Совета, приземлиться на гостевую парковку которой мог только пассажир со специальным кодом доступа. Колпак откинулся, бортик опустился, заиграла спокойная музыка и мужчина с комфортом расположился внутри салона у обзорного переднего стекла. Машина плавно набрала высоту и, встроившись в поток, направилась в центр Москвы.

На экране замелькали новости народного хозяйства: увеличены надои, введены в строй новые больницы и школы, награждён ударник социалистического труда. Максим Давыдович ещё утром за завтраком посмотрел весь сегодняшний пак новостей и с удовольствием отвернулся к окну.

Заняло больше десяти лет, чтобы после Революции новости вновь приобрели такой будничным и немного скучный характер. Это были пятилетки самоотверженного труда и социальной неустроенности. Армия обеспечила безопасность и будущее страны, а возросшие производственные мощности роботизированной промышленности позволили Партии и Правительству обеспечить всех граждан бесплатным жильём, образованием, медициной и открыть бесплатный доступ к огромному списку продуктов и товаров.

Майор Ступица отлично помнил, сколько ругани лилось с экранов телевизоров. Ломались судьбы. Переход к системе распределения общественного блага, основанной на трудовом вкладе каждого гражданина, был болезненным и многие не приняли его. Поначалу люди, считавшие себя творческими, уезжали из страны. Их никто не осуждал. Сексуальность тела и блеск роскошной жизни всем приелись. Каждый хотел сам жить лучше. Армии юристов и чиновников из госаппарата вынуждены были обучаться новым профессиям из Списка вакансий народного хозяйства. Положение стало быстро меняться в лучшую сторону, когда открылась государственная программа развития производства товаров и продуктов питания, по которой любой гражданин мог бесплатно взять промышленный конфигурактор, представлявший собой следующее поколение 3D-принтера.

Они с женой включились в программу, когда ещё сохранялось параллельное хождение денег. Первые поставки бесплатного ресурса, государственный конфигурактор, волнения за справедливый расчёт и оценку их труда на госприёмке, куций список бесплатных продуктов и товаров, доступных в системе распределения, всё это они пережили за несколько лет. Жена перепробовала несколько товарных групп, пока не закрепилась в производстве оборудования для санузлов. Сам он помогал ей как мог, разрываясь между службой, новым делом и помощью в воспитании детей. От года к году люди всё активнее включились в работу, благодаря чётко организованному с помощью нейросетей процессу.

Пока машина поднималась над училищем, майор Ступица успел полюбоваться на затейливую петлю Москвы-реки, чудной Красный мост, зеленеющие молодой листвой парки. Город, страна, да и вся жизнь очень преобразились, но Москва всё так же оставалась самой красивой и любимой для Максима Давыдовича. Перемены было невозможно не заметить. Они ощущались повсюду.

Внизу остались тонкие росчерки транспортных коридоров, по которым проносились дроны грузовой доставки. Практически исчезла уличная торговля. Люди на улицах то и дело получали от городских доставщиков свой заказ: обед, мороженое или просто газировку. Он так и не бросил курить и по вечерам, когда уже темнело, с удовольствием наблюдал, как небо города украшалось цветными огнями, подобно огромным новогодним гирляндам. В ночной веренице среди устаревших дронов-квадрокоптеров можно было без труда определить грави-

лётыв Леонова, которых в последние годы становилось всё больше. Они были похожи на маленькие шаровые молнии и выделялись среди габаритных маячков квадрокоптеров своим сплошным голубым сиянием.

Магазины уступили место рекламным салонам, где выставлялись образцы или можно было обсудить индивидуальные пожелания. Любые необходимые товары были доступны на персональном комме: от продуктов питания и модной одежды до бытовой техники, садового инвентаря и даже всевозможных средств передвижения. Каждый сам выбирал, по какому адресу получить заказ.

Возможности человека определял его разряд в табели о рангах, или как это официально называлось: «гражданский уровень доверия в социалистической системе распределения общественного блага», сокращённо — ГУДРОБ, за работу которой отвечала нейросеть, названная в честь Михаила Ивановича Калинина⁵.

Отраслевые нейросети сыграли ключевую роль в организации новой жизни в стране: исключили перепроизводство и сбалансировали потребление как ресурсов и сырья, так и конечной продукции. Россия воспользовалась естественным преимуществом и построила огромные парки центров обработки данных за полярным кругом на бескрайних просторах Северо-Сибирской низменности, которые больше напоминали города. Обеспечивали электроэнергией эту махину современные атомные, термоядерные и, появившиеся в последнее время, станции холодного синтеза, построенные вдоль северного побережья Сибири.

Майор Ступица откинулся на спинку и продолжил мысленно готовиться к встрече. От его выбора и рекомендаций зависели и перспективы молодых людей, и их уровень социальной полезности обществу, и успех важных для безопасности и развития страны проектов. Из выпускников этого года он отобрал несколько списков и был уверен за каждого, но его особое беспокойство вызывал список квантовых пилотов, куда была включена кандидатура Вихрова Александра.

Курсант с выдающимися показателями по квантовой эмпатии идеально подходил для ответственной миссии по испытанию гиперпространственного привода, однако, после последнего происшествия его кандидатура неизбежно должна была подвергнуться самому скрупулёзному обсуждению и могла бросить тень на всё училище.

Неожиданно машина вильнула, дёрнулась и выпала из общего потока, спокойно шедшего на высоте около ста метров в сторону Замоскворечья.

Буквально через пару минут такси предстояло сделать разворот на вылете и зайти на посадку к Зарядью, где возвышалась башня Совета. «Онега» же зависла на пару секунд и стала быстро подниматься. Очевидно, управление перешло от Центра управления городской аэромобильностью к диспетчерским службам башни Верховного Совета. Максим Давыдович наблюдал в окно, как они поднимались на высоту резервного коридора, где-то в двухстах метрах над землёй. Приятный женский голос автопилота сообщил:

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Для вас выбран оптимальный маршрут. Скоро вы прибудете к месту назначения.

Мы разошлись с ребятами из столовой через полчаса, ещё немного пообсуждав предстоящую игру с кадетами Академии. Тимофей написал, что соберём только три пятёрки на матч, да может двоих-троих на скамейку запасных сможем посадить. Кадеты, конечно, закусили —

⁵ Михаил Иванович Калинин — (1875—1946) российский революционный, советский политический, государственный и партийный деятель. Председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета—высшего законодательного и распорядительного органа РСФСР, а потом и СССР.

им было чертовски обидно отдать нам кубок Лиги, не привыкли они проигрывать. Вот почему все люди как люди — курсанты, а слушатели Академии ракетных войск стратегического назначения — кадеты? Не поддаётся объяснению. Во всём у них исключительность, видимо, это действительно особая каста людей, буквально отвечающих за мир во всём мире.

Ядерное оружие до сих пор играло ключевую роль в поддержании баланса в мире. Трагические события тридцатых годов, после развала мировой финансовой системы и перехода к периоду нефеодалной раздробленности мира, как многие учёные его называют, сопровождалась множественными войнами и локальными конфликтами, но, к счастью, не привели к глобальной ядерной войне.

Моё поколение, да и поколение моих родителей, выросло за железным занавесом, куда нашу страну настойчиво запихивала просвещённая Европа и деловая Америка, манипулируемые транснациональными корпорациями и глобальным капиталом. Эту задачу они реализовали довольно грамотно. Им почти полностью удалось посадить нас в подобие блокады: превратить международную торговлю, отключить от международных расчётов, а простых людей, пытающихся путешествовать или развивать частный бизнес, поставить в невыносимые, по их мнению, условия.

Расчёт был простой: зависимость от денег как мерила успеха и человеческое стремление к личному благополучию должны были сломать социальное согласие в России, породить внутренние конфликты и развалить страну. Так, по мнению глобалистских демиургов — лидеров властных группировок Западного мира, всё и должно было случиться. Но в России произошла Социалистическая революция.

И смешно, и грустно — мы очень остро ощущали, что громкие слова на политинформациях — это не просто давление пропаганды. Это были не просто отголоски конкурентной борьбы в экономике и политике, а глубинная, иногда неосознаваемая граница между разным отношением к жизни и к людям.

Экономический эффект перемен в СССР ошарашил даже самых предвзятых скептиков и критиков. Средний уровень жизни населения вырос настолько, что самой популярной программой на головидении третий год подряд был народный конкурс новых товаров. Стали популярными творческие и научные профессии.

Государство же реализовывало один масштабный проект за другим. После центров обработки данных и атомных станций на Севере страна подняла под Читой гравитационный орбитальный лифт, ставший девятым чудом света. Через него на Землю шли поставки редкоземельной руды из астероидного пояса. Параллельно продолжали наращивать мощности заполярных парниковых сельскохозяйственных совхозов, кормивших наших африканских и азиатских союзников.

Вокруг России не затихал шквал международного возмущения: «Как так без денег? Как же индивидуальные запросы, как же свобода выбора и потребления, как же накопление капитала и личное богатство?» Самые умеренные критики называли нас «Country All-inclusive» — «Страна всё включено». Но к этому моменту в Союзе уже ни у кого не осталось иллюзий: эти потрясающие воображение перемены государство смогло реализовать, только объединив все ресурсы. В обществе крепла необыкновенная атмосфера причастности к великим свершениям, гордости за свой советский народ. Космос казался близким, и все его тайны принадлежали нам. Не было ничего невозможного.

Я только успел войти в свой кубрик на первом этаже нашей казармы, как здание вздрогнуло от тревожного ревуна. Моего соседа, Кирилла Белькова, так и не было с тех пор, как его и нескольких курсантов три дня назад вызвал генерал Шаховской, начальник училища, и отправил на задание. Задание, как водится, конечно же, было секретным, и я ни полслова не успел перемолвиться с рыжим Лисом. Сигнал продублировался на комме: «Тревога второй категории».

Схватив из шкафа экстренный набор обмундирования в рюкзаке, я проверил комплектность, взял с полки запасной аккумулятор с зарядкой, сменные линзы и выскочил на плац. Код сигнала означал, что нам надо прибыть на построение для переброски на базу к нашей технике — с вещами на выход, одним словом.

Пока бежал, думал, куда задевался рыжий Лис. Ему такой позывной дали вполне заслуженно: тёмно-рыжий, коротко стриженный, с острым клином волос на лбу. Его лицо с правильными чертами и чуть заострённым подбородком выражало добродушие, спокойную силу и уверенность, но при этом очень напоминало матёрого лесного хищника.

Кирилл был ловкий, юркий и спортивный, чем, помимо внешнего сходства, подтверждал своё прозвище, всё-таки трёхкратный чемпион Союза по многофункциональным соревнованиям ГТО⁶. Впрочем, каждый из нас поступал уже с чемпионским или призёрским титулом: кто региональными, кто всесоюзными, — но трижды Союз никто не выигрывал.

На плацу подбегали и строились курсанты, а от штаба быстро шагали начальник училища и взводные офицеры-наставники. Из-за корпуса перваков, что у реки, за которым располагалась лётка, показалась тройка знакомых силуэтов. Я обрадовался, наконец увидев своих друзей: за нашим комвзвода, Алексеем Панкратовым, бежали мой сосед Кирилл и Инга, по которой я откровенно соскучился, хоть и боялся себе в этом признаваться.

Стройная высокая блондинка с подтянутой фигурой и непередаваемой женственной грацией, Инга была звездой курса. Помимо весёлого и лёгкого характера, за который её все любили, преподаватели не уставали ставить Ингу в пример. Благодаря своему терпению и почти гениальному чутью она могла спокойно разобрать любой механизм, найти неисправность и собрать обратно — и почти всегда с первого раза.

Через несколько минут суета улеглась, и после команды «Смирно!» всё замерло. Скосив глаз, я пересчитал квадраты и постарался прикинуть, сколько народа выдернули по тревоге. Получалось, что кроме наших четырёх взводов пилотов БРПК⁷, занимавших правый край построения, на плацу стояли биоинженеры, десантники и, что меня удивило, даже космобиологи.

— Курсанты! Код тревоги «Биологическая угроза», — начал полковник Шаховской. — Сегодня, 21 мая, в 10:27 по московскому времени нашим Посольством в США, а затем и Министерством иностранных дел и Минобороны были получены сообщения от официальных представителей международной корпорации «Прайзер» о сходе со стационарной орбиты научно-исследовательского «The Ark-17». «Ковчег-17» был выведен на орбиту 15 февраля и должен был в автоматическом режиме выполнить цикл исследований и экспериментов по программе генной инженерии для получения активного вещества, используемого при лечении ряда наследственных болезней. Так заявила корпорация в официальном коммюнике.

До планового возвращения научного модуля на Землю оставалось ещё шесть месяцев работы. Вчера связь со спутником и научным ИИ на борту была утеряна, сегодня отказал резервный канал телеметрии. По расчётам до входа в атмосферу осталось три часа.

Предварительный анализ траектории показывает разброс расчётной точки приземления до двух с половиной тысяч километров и, к сожалению, большая часть находится над территорией Советского Союза. Более точные данные мы получим, когда спутник войдёт в атмосферу.

Государственный Департамент США и руководство корпорации «Прайзер» выступили с категорическим требованием не уничтожать спутник на орбите и при спуске. Они выразили готовность в кратчайшие сроки его забрать, если приземление произойдёт на нашей территории. Тем не менее, наши специалисты из Главкосмоса при анализе коридора входа допус-

⁶ «Готов к Труд и Обороне» — всероссийский физкультурно-спортивный комплекс, созданный «в целях совершенствования государственной политики в области развития человеческого потенциала и укрепление здоровья населения»

⁷ Боевой Роботизированный Пехотный Комплекс

кают срабатывание двухныркового сценария приземления, что может привести к разрушению и неконтролируемому падению частей аппарата над территорией Советского Союза.

Транснациональные корпорации под прикрытием марионеточных правительств псевдогосударств снова выносят на орбиту эксперименты, запрещённые на Земле и опасные для человечества. Пренебрегая международными соглашениями и правом, они продолжают ту же бесчеловечную империалистическую линию, что вели фашистская Германия, милитаристская Япония и блок НАТО. Мы должны предотвратить угрозу нашей Родине.

Наша задача: в составе частей Советской армии, усиленных подразделениями химической и радиационной защиты, выдвинуться в район падения капсулы, занять внутренний периметр оцепления, провести первичный анализ биологической, химической и радиационной угрозы. В случае обнаружения угрозы не допустить её распространения, вплоть до ликвидации источника. Последующие приказы получите от непосредственных командиров подразделений.

Партия и народ доверяют вам самое современное оборудование и полагаются на вашу выучку — оправдайте доверие!

— Служим Советскому Народу! — слаженно рявкнул строй, и все подобралась.

Наш офицер-наставник, Комов Андрей Тихонович, подполковник ВКС, космонавт, совершивший три миссии к Юпитеру и руководивший строительством первой орбитальной станции на его орбите, отдал команду: «Налево! Бегом, марш!», — и мы рванули строем.

По дороге на посадочную площадку без лишних задержек пробежали через оружиеку. Датчики идентификации мигнули ещё на подходе, и мы на ходу подхватывали персональные плазмёты и штурмножи. Не снижая скорости, наша рота направилась на аэродром при училище, куда уже опускались транспортные гравилёты корпуса спасателей Гражданской обороны Министерства Государственной Безопасности.

Мы быстро грузились в четвёртый, замыкающий транспорт, когда первые три уже набирали высоту для выхода на горизонт коридора специальных служб. Это были малые пассажирские транспорты. Сам транспортник сверху напоминал вписанный в окружность, сплюснутый и скруглённый по краям цилиндр с крыльями. В центре располагался шар силовой гравитационной установки, едва выступавший за границы корпуса. Такие модели ещё не поступали на службу в общественный транспорт даже в Москве.

Пока мы с профессиональным любопытством крутили головами, осматривая новую технику, машина взяла старт, и вскоре мы пересекали кольцевой воздушно-транспортный коридор Москвы. Наши четыре взвода поместились в этот летающий автобус, и теперь наше внимание переключилось на картинку за окном в попытке угадать, куда нас перебрасывают для получения техники.

— На Дягилево взял курс, — выдохнул с облегчением Кирилл, после того как наш автобус свернул на юг над КВТК8¹, где внизу мелькали маленькие, как муравьи, индивидуальные турболёты, а ниже по шоссе ползли грузовики и редкие персональные авто. Кольцевой воздушно-транспортный коридор охватывал всю Москву, но давно не служил её условной границей, оставляя за собой многочисленные жилые и производственные районы.

Это означало, что мы, скорее всего, получим родное, уже обкатанное снаряжение, которое хранилось в ангарах базы ВКС на Дягилево-3 под Рязанью. Это было хорошей новостью: на этой технике за последние два года мы прошли не один полигон. Лис тоже широко улыбнулся — он особенно любил своего «Стрельца», ведь именно на этой машинке в прошлом году он стал призёром Армейских Стрельбищ «по тарелочкам», проводившихся на полигоне в Нижнем Тагиле. В нашем взводе он и Алёна Метельская, с позывным «Метла», управляли комплексами противоракетной и противовоздушной обороны, которые отлично справлялись с большинством атмосферных целей, даже гиперзвуковых.

¹ Кольцевой Воздушно-Транспортный Коридор

Алёна, сидевшая рядом со мной, резко отвернулась от окна, так что её волосы, собранные в аккуратный хвост, чуть не задели меня по лицу. Я рефлекторно увернулся:

— Осторожнее ты, егоза. Где вы пропадали три дня, Кир? — спросил, выглядывая через макушку Алёны, чтобы поймать Кирилла взглядом. — Вас так вовремя вернули!

— Да удачно совпало! Просто повезло! А то бы пешком догоняли, — без всякой иронии ответила за Кирилла Инга. Она рассмеялась и грациозно нагнулась, выглядывая из-за соседа, при этом белые волосы качнулись и почти скрыли её лицо. — Мы на тестирование гоняли, новых мехов пилотировали. Опробовали то, чему нас пока только на тренажёрах учат.

На её лице сохранялась многозначительная улыбка, когда она собирала непослушные волосы в хвост. Её намёк был понятен: наши навыки по квантовой эмпатии нарабатывались исключительно на тренажёрах училища, ведь их полноценное применение возможно только в открытом космосе. Скорости не те.

— Сделали, что смогли. Датчики вроде исправно мигали, а инженеры довольно хмыкали, — чуть равнодушно поддержал Кирилл. — Говорят, на лунный полигон технику погонят, но кто там тестировать будет — пока не решено. Вряд ли уж прям так нас и позовут.

— Там свои пилоты дежурят. Или с верфи подтянут... — кивнул я. — Хотя наша программа новая, до нас всего один выпуск был — не так уж и много свободных пилотов.

— А мне новая модель «Волхва» с улучшенной РЭБ очень понравилась: четыре загоризонтных дрона добавили, теперь можно будет панораму на 360° по пустотным целям закрывать. Судя по приборной панели — и маневренности прибавится. Наверное, скоро всем новые биорезонаторы на щиты поставят — шкалы на порядок более ёмкие, хоть и затемнённые пока. — Инга потянулась в кресле и закинула руки за голову, натянув комбинезон на груди. — Так что вот, мальчишки, помечтайте пока.

— Круто! Этак мы с Иваном несколько секунд до контакта выгадаем, — быстро прикинула Алёна. — Очень неплохо, чтобы всякий хлам на голову от перехвата не падал.

Фёдор Кудряшов, обычно немногословный бурят, внимательно обвёл нас своим прищуренным взглядом, отчего его раскосые глаза вообще превратились в щелочки, и удивил:

— А вы внимательно генерала слушали? — он как-то сразу посмотрел на всех и многозначительно прищурился. Вот куда буряту ещё сильнее шуриться — а ведь смог. Так только он умел: никто не мог отследить направление его взгляда, но каждый чувствовал, что он обращается именно к нему. — Что главного он сказал?

Мы как-то притихли, и Алёна решила его подбодрить:

— Давай уж, Батыр, жги, не тяни.

— Зря ты так, — немного отстранённо сказал наш штурмовик.

У него и у Клима Потапова были лучшие показатели по энергетическому щиту, поэтому обоим поставили на тяжёлые машины с сильным вооружением ближнего боя. На испытаниях их мехи держали одиночное попадание из рельсотрона: второй удар в ту же точку щит уже пробивал, но подвижность цели и разброс стрельбы давали шанс прорваться даже под плотным огнём.

— Я вот думаю, — он взял паузу, и мы вынуждены были терпеть его неспешность и внимательно ждать продолжения, — спутник с научной капсулой должен был летать ещё полгода. Это что же там за эксперимент такой по генной инженерии, который должен почти девять месяцев на орбите в автоматической лаборатории висеть? Эта хрень к нам, получается, незрелой прилетит, если на нашей территории грохнется?

— Ну и хорошо, что незрелой: меньше бегать будет и не разлетится по сторонам, если капсула расколется. Жахнем рельсой и прожарим насухо, — бодро отмахнулась Алёна.

— Наша задача — локализовать и охранять, пока госбезопасность не решит, отдавать им эту штуку или нет, — успокоил начинающийся спор командир взвода Алексей.

В этот момент к нам подошёл Андрей Тихонович, разбиравшийся до этого с коммуникационным экраном на стене аэробуса.

— Подлётное время до Рязани — десять минут: выгружаемся на базе и по машинам. Техники активировали бортовые системы, и мехи уже проходят предстартовое тестирование. Грузим боекомплект, проверяем батареи, запускаем энергосистему от стационара, на минималках выходим на лётку, машины не глушим и ждём отмашки. От мехов не расходиться. С минуты на минуту могут координаты района сбросить.

На орбиту над западной Сибирью переводят два спутника «Метеор-33» и «Метеор-39». Скоро получим картинку. Из ЦУПа передали, что спускаемая капсула странно себя ведёт на орбите: хаотично включаются двигатели коррекции. Пока вообще предсказать невозможно, куда её бросит.

В Рязани моросил дождик, хотя прогноз и обещал, что ненадолго, да нам не привыкать. Бетонная площадка перед ангарами блестела в ярких лучах мощных прожекторов. Мы разбежались по машинам, на ходу приветствуя знакомых техников.

У нас было пять минут на выполнение всех регламентных процедур, и вскоре один за другим наши мехи стали покидать ангар. Пилоты занимали позиции в строю, соблюдая очередность загрузки в планетарный космодесантный бот.

Первыми почти бесшумно с мощной грацией вышли штурмовые «Витязи» — четырёхметровые, приземистые, с широкой устойчивой стойкой. В их движении читался почерк пилотов. Первым своего тяжа вёл Федя — по ритмичным, плавным шагам робота сразу угадывался потомственный таёжный охотник. Его напарник по штурмовой группе Клим Потапов, молчун и технарь до мозга костей, в мехе наоборот преобразался, и походка его робота скорее напоминала стелющийся шаг крадущейся пантеры.

Все наши машины относились к космическому классу БРПК — боевых роботизированных пехотных комплексов, появившихся в армии около пятнадцати лет назад. Это уже была не ранняя «планетарная» линия, выросшая из экзоскелетов. Эти мехи проектировали заново — под вакуум, агрессивную химию и радиацию, под операции там, где обычная броня быстро теряет эффективность. Отсюда и индекс «К» — «космос».

Конструкция у всех БРПК-К была капсульной, но внешне напоминала человеческую фигуру. Внутри корпуса размещались два изолированных объёма: сегмент с гибридной квантовой силовой установкой и пилотская капсула — герметичное вытянутое «яйцо», глубоко утопленное в броне торса. Снаружи всё это закрывал единый керамико-титановый корпус на полимерном каркасе с гибкими сочленениями и несколькими слоями композитной брони.

Привычно оттолкнувшись от полусогнутого колена меха, я ухватился за край люка и рывком оказался на плечах боевой машины. Окинув взглядом торс, закреплённый на опорно-двигательном шасси из двух мощных ног, я провёл беглый визуальный осмотр, как положено по уставу. Подвижные узлы крепления вооружения, напоминавшие руки, согнутые в локтях, тускло поблескивали свежими пломбами техосмотра. Сенсоры, камеры и датчики были глубоко интегрированы в броню, так что их осматривать смысла не было. Работоспособность распределённой системы наблюдения и навигации предстояло проверить с пульта. Про её устойчивость к перегрузкам, помехам и воздействию агрессивной среды можно было слагать легенды, так что, если техники и протёрли что-то тряпочкой, то ущерба это не нанесло.

Я нырнул в люк. Тело скользнуло в ложемент, а комбинезон тут же облепил меня, как мокрая тряпка. Биополимерный слой подкладки, считывающий нейронные импульсы и колебания биоэнергетического поля пилота, вжался в каждую клеточку моего тела. Быстрый комплекс упражнений вернул телу лёгкость и обеспечил сопряжение с бортовой системой управ-

ления. По телу приятно прокатилась волна лёгкого покалывания и визор панели управления приветственно мигнул зелёным кодом идентификации. Голова слегка загудела от усилившихся ощущений окружающего пространства. Повинуясь лёгкому сокращению моих мышц, робот присел, развёл в стороны руки-манипуляторы и вернулся в строевую стойку. Шаг, рывок, остановка, перевод огня — всё ощущалось как движение собственного тела, только усиленного и утяжелённого.

Фигурка БРПК на визоре постепенно оживала, наливаясь контрастными цветовыми пятнами активации бортовых систем. Вскоре в верхней части корпуса, на уровне плеч, бриллиантовым светом вспыхнуло и тут же потускнело широкое массивное кольцо. Квантовый воротник — «Пелеринка», как его ласково прозвали бойцы космического десанта, являлся новейшей разработкой инженеров ОКБ «Заслон»⁹¹. Внешний привод силовой системы и правда чем-то напоминал меховое манто модницы из столичных салонов, которое та накинула на плечи. Только тут эта картинка быстро таяла перед ощущением скрытой силы и огромных возможностей, заложенных в динамичный корпус машины. Один за другим заполнялись столбики заряда формирователей электромагнитных полей высокой интенсивности, которые обеспечивали антигравитационное движение машины и создание вокруг неё активного пространственного антирадиационного защитного объёма. По позвоночнику пробежала упругая волна и приятно кольнуло в затылке, когда накопители мигнули изумрудной вспышкой и потускнели, переходя в фоновый режим.

Ещё курсантами первого курса мы были на экскурсии в «Заслоне». Директор по общественной работе удивил нас тем, что довольно внятно прочёл лекцию по современным направлениям междисциплинарных НИОКР¹⁰¹, которые ведёт бюро. Лекцию учёного, имени которого нам так и не назвали, мы слушали вообще затаив дыхание. В его изложении концепция активной радиационной защиты залетела «на ура». В своих разработках «заслоновцы» опирались на исследования природы радиационных поясов Земли, проведённые профессором Тверским¹¹² и научным коллективом академика Вернова¹²³ ещё на заре эпохи космонавтики. Проблема орбитального пилотирования многие десятилетия упиралась в защиту от радиационных поясов Земли, которые в мировой науке получили имя в честь астрофизика Ван Аллена¹³⁴. Он первым выдвинул корректную интерпретацию физического явления. ОКБ «Заслон» удалось разработать и внедрить в серию компактное устройство, обеспечивающее отведение накопленной радиации за счёт управляемой радиальной диффузии частиц в область сильного магнитного поля с границ геомагнитной ловушки. Теперь уже такие «Пелеринки» устанавливали на всех современных космических кораблях.

Над головой раздался шелест и мягко чавкнул люк, отсекая меня от внешнего мира. Обозначив мышцами пресса наклон вперёд, я стронул «Соколыничего» с места. Лёгкое головокружение накатило и мгновенно отпустило, а руки и ноги налились тяжестью, как на тренировке с усилителями. Теперь я ощущал себя единым целым с грозной машиной.

В первые годы службы меня часто подводила приобретённая в училище скупость движений. Мы привыкали контролировать каждый жест и наклон, ориентируясь на отклик миомер-

¹ ОКБ «Заслон» — Особое конструкторское бюро «Заслон» им. В. В. Путина. Разрабатывает ракетно-космическую технику — ракеты-носители, спутники, автоматические межпланетные станции, пилотируемые космические корабли. До советской социалистической революции 2037 года существовало как Акционерное Общество «Заслон».

¹ НИОКР — научно-исследовательские и опытно конструкторские разработки.

² Борис Аркадьевич Тверской (1936—1997) — профессор, основоположник количественной теории радиационных поясов Земли.

³ Сергей Николаевич Вернов (1910—1982) — академик, руководитель экспериментов по исследованию космических лучей. Вернов и его коллеги также исследовали явление стока частиц радиационных поясов над отрицательными планетарными магнитными аномалиями.

⁴ Джеймс Альфред Ван Аллен (James Alfred Van Allen) — первым выдвинул корректную физическую интерпретацию наблюдений в своей публикации в 1958 году.

ных мышц боевого робота. Танцевать танго, например, я до сих пор не мог. Со стороны это казалось забавным, и нередко девушки на свиданиях подсмеивались над нашей скованностью и заторможенностью. На первых курсах мы отшучивались, что зато у нас дети могут и воздушно-капельным путём получаться, но со временем большинство вернуло себе полноценный контроль за телом.

В глубине ангара начали движение Кирилл и Алёна. Они неспешно выводили своих «Стрельцов» в центральный проход ангара, давая мне время сохранить порядок следования. Сделав три широких шага, я поторопился на площадку перед ангаром. Мы вышли одновременно с командным БРПК-КШ (штабной), Алексея. Его «Воевода-3» упругим прыжком перемахнул моего робота. В высшей точке прыжка он успел полностью сложиться в идеальную «десантную коробочку», подтянув конечности к корпусу, уменьшая силуэт и собирая массу ближе к центру. Гулко вздрогнул бетон, когда комвзвода приземлился точно на своё место в строю рядом со штурмовиками, распрямляясь в боевую конфигурацию.

Я повторил прыжок, заметив, как за спиной, практически одновременно с нами, из ангара вышел «Воевода» офицера-наставника. Ещё не раскрыв «коробочку», я выпустил все четыре дрона огневой поддержки. БРПК-КД (дроновод) «Сокольников-1» был самой современной моделью в линейке БРПК и создавался специально для управления гравитационными дронами, которые были оснащены ракетами «воздух-земля» и системой группового прицеливания. Метка, которую они ставили, делала цель видимой для всех дружеских систем наведения. Дополняли вооружение два скоростных дрона-перехватчика с ракетами «воздух-воздух» и ЭМИ-торпедами.

Своего меха я сразу полюбил, хотя, может, и странно в таких категориях о машине говорить. Стоило только ощутить под своей рукой эту послушную мощь: сбалансированное вооружение, манёвренность и мгновенный отклик машины на любое твоё движение, — и ты невольно начинал чувствовать себя мифическим героем. С этой эйфорией нас тоже научили справляться. Я чётко встал рядом с «Воеводой» комвзвода, взметнув маленькое облачко водной пыли из-под ног меха. Дроны сформировали геометрически выверенный октаэдр над нашим строем, зависли и один за другим втянулись в фермы на спине «Сокольника». «Эффектно получилось: и протестировал, и зачёт по десантированию сдал». Я был доволен почти безукоризненным исполнением, которое машина выдала под моим управлением.

В момент полёта, который занял от силы пару секунд, я удержал контроль над корпусом робота, успел вовремя сбросить дроны и раздать вектора движения, привязав к местности. В теории движение группы дронов требовало многовекторного моделирования с учётом скорости и боевых задач разных единиц, и относилось к категории задач для ИИ. Мне же удавалось быстро определять матрицы координат векторов самостоятельно. В такие моменты я ощущал гармонию слитного движения. Наверное, так чувствует себя дирижёр, когда десятки инструментов внезапно складываются в единую мелодию.

Как и после каждого практикума по квантовой эмпатии, я сразу же запустил флешбэк-анализ. Привычка не откладывать домашнее задание на потом сработала и сейчас. Анализ моих приказов и выданных векторов в этом эпизоде занял пять секунд, всего лишь в два раза больше времени, чем сам манёвр в моём исполнении. У меня и так был устойчиво один из лучших показателей: более 75% моих приказов попадали в пять лучших комбинаций решений от ИИ. Сейчас всё решали миллисекунды. Тактический модуль выдал оценку 83,7% точности навигационного целеполагания. Это меня вполне устраивало.

Под пристальным взглядом «Воеводы» офицера-наставника, рядом со мной заняли позиции «Стрельцы». Их мехи были специализированными и оснащались пустотными комплексами противоракетной обороны. «Стрелец-3» поступил на вооружение в прошлом году и имел более мощные энергетические щиты и систему перехвата ракет увеличенной дальности.

Они промаршировали и степенно запарковались в строю на последних секундах норматива. Новый «Стрелец» с гордо поднятой «головой» автономного дублирующего центра наведения сопровождения цели и перехвата выглядел очень элегантно. Причём в бою она, эта голова, то есть АДЦНСЦП-7 (краткая аббревиатура «сам чёрт ногу сломит чего»), могла отделиться от корпуса, выйти из зоны направленных помех и, маневрируя на манер гравитационного дрона, обеспечить меху благоприятные условия для обнаружения и поражения цели. Ребята жутко гордились своими машинами. Но была и ложечка дёгтя. Мы быстро прознали, что в новой версии доработали ложемент и систему жизнеобеспечения пилота. Аббревиатура у неё получилась на редкость неудачная — ЖОП. Как она умудрилась попасть в официальное руководство по эксплуатации, никто не знал, но шуток среди пилотов это породило бесчисленное количество. В итоге счастливые обладатели модифицированных машин с усовершенствованной ЖОПой предпочитали эту тему не поднимать, да и вообще старались без дела не выпендриваться мощностью своих машин.

Когда таймер мигал десятými долями последней секунды, Кирилл качнул в мою сторону левый манипулятор «руки» с тонкими счетверёнными стволами разгонных рельс зенитного боя. Роботы соприкоснулись биоэнергетическими щитами, выбив голубоватую искру. И замерли одновременно с секундомером.

С волной низкочастотного гула из ангара показалось замыкающее звено. На полкорпуса впереди тяжёлого «Гренадёра» парил изящный «Волхв» Инги. Модель назвали «Волхвом», за мощную систему активно-пассивного обнаружения, которая крепилась на манер воротника над корпусом. В лучах света, благодаря интерференции в решётках локатора, фигура меха приобрела своеобразный сакральный вид. А опущенная вдоль корпуса дальнобойная снайперская установка издали вполне могла произвести впечатление древнего посоха.

Инга, наш разведчик и носитель основных средств РЭБ для всего отряда, выпустила со своего «Волхва» четыре дрона-постановщика помех. Сейчас дроны выполнили двойную спираль со смещением над нашим построением и синхронно спрятались в штатных гнёздах на спине меха. Статус «Волхва» на вкладке взвода сменился на зелёный. Следом статус «Готов» высветился напротив Ивана Рокотова. Он пилотировал самую тяжеловооружённую машину в нашем взводе. Казалось, спина «Гренадёра» и так сгибается под сотами систем залпового огня ближнего и дальнего боя, но при этом БРПК уверенно нёс на правом плече трёхметровую установку пушки Гаусса.

Наши товарищи космодесантники, космобиологи и биоинженеры тоже повзводно расположились напротив ангаров со своей техникой. Если десантники преимущественно выступали на штурмовых «Витязях», то у биологов и инженеров комплексы были более функциональные и напоминали скорее шары с гусеницами, обвешенные датчиками, манипуляторами, лазерными резаками и прочим оборудованием для их очумелых ручек.

Потянулось ожидание. После команды «Вольно. В строю.» мы открыли люки и спустились к подножью своих машин, собравшись в кружок. От техников прибежал молодой парень Миша и вручил нашим девочкам по стаканчику горячего кофе, чем заслужил их благодарные улыбки и наши нахмуренные взгляды — больше для шутки, конечно. Каждый из нас Мишу очень хорошо понимал: что Алёна, что Инга приковывали мужское внимание даже в повседневной одежде, а уж в плотно облегающих комбезах пилотов — тут никто взгляд отвести не мог.

В училище не существовало строгих запретов на дружбу между парнями и девушками. По выходным мы устраивали вечеринки с танцами или могли до глубокой ночи сидеть в красном уголке с гитарой. В училище приходили уже не со школьной скамьи. Минимальным требованием было незаконченное высшее образование или несколько лет службы и работы, так что жизненный и, скажем честно, романтический опыт у всех имелся.

Помню, на втором курсе перед новогодними каникулами мы сидели в кафе и вспоминали всякие истории из личной жизни. В итоге решили, что замполит был прав: с серьёзными чувствами лучше не торопиться. Никто не знал, куда нас могла раскидать служба, а значит, нечестно заставлять кого-то ждать. Поэтому к нашим боевым подругам мы не приставали и серьёзных отношений не заводили. Хотя, если быть честным, приключения иногда случались.

Ближе к вечеру, после короткой поверки, которую провёл подполковник Комов, принесли и раздали горячий ужин. На построении он довёл до нас, что спутник потенциального противника ведёт себя в высшей степени непредсказуемо и складывается впечатление, что иногда операторам американского центра управления запусками всё же удаётся восстановить связь, и они борются за его выживание или хотя бы более-менее контролируемое приводнение.

Он остался ужинать вместе с нами, не ушёл в офицерскую столовую, хотя ему и присылали электромобиль с вестовым. За едой и разговорами пролетел час, стемнело и стало понятно, что спать придётся прямо на земле или на машинах — кто где устроится.

Конечно, смешно спать в спальнике на бетонке, когда рядом, ну максимум в километре, общежитие наших легендарных лётчиков стратегической авиации, и, конечно же, нас бы там без проблем разместили. А сейчас нам только костра, как в ночном лагере, не хватало и печёной картошки, но приказ есть приказ: «боевая готовность», а это значит — машины не глушить, от них не удаляться. Ну, кроме как опять же на пятнадцать — двадцать метров «до ветру», так сказать. Ну ничего, будем готовиться подремать прямо здесь: «Солдат спит — служба идёт».

— Разрешите. — Практически без вопросительной интонации произнёс молодой человек, одетый в приталенный серый пиджак, костюмные брюки и светло-голубую рубашку с воротником-стойкой. Он прикрыл за собой дверь, прошёл к столу и протянул хозяину кабинета пластинку визора с открытыми экранами, собранными в стопку наподобие нескольких листов обыкновенной писчей бумаги.

— Товарищ генерал, текущая сводка на 22:00, 23 мая. Из требующего внимания: аналитики выделили нештатный запрос искина «Спрогис»¹⁴ на подключение к нейросетям Министерства Морского и Речного Транспорта и Министерства Внешней торговли.

— В чём суть, Николай? — принимая отчёты, Григорий Александрович Шувалов, руководитель службы контрразведки Комитета Государственной Безопасности ССНР, поднял взгляд от рабочей поверхности экрана, на котором он вычитывал свой доклад для выступления на ближайшем Политбюро. Николай подобрался и чётким голосом коротко доложил:

— Необходимо усилить доразведку северного региона Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа спутниковой группировкой. Возможно нарушение государственной границы.

Генерал внимательно посмотрел на адъютанта и кивнул:

— Подробнее теперь, пожалуйста.

— По итогам анализа данных, полученных от управляющего искина «Дежнев»¹⁵, касательно движения и состава грузов судов в составе караванов, прошедших Северным морским путём за последние 12 месяцев, ИИ «Спрогис» отметил семь случаев внепланового выбытия судов из проводки. В том числе: три случая австралийских национальных линий, ANL (Australian National Lines) в портах Певек, Диксон и Сабетта.

¹⁴ Артур Карлович Спрогис (1904-1980)—легендарный советский разведчик и контрразведчик.

¹⁵ Семён Иванович Дежнёв (1605—1673)—русский путешественник, землепроходец, мореход, исследователь Северной, Восточной Сибири и Северной Америки)

Во всех случаях заявлялась неисправность ходовой части. Суда проводили ремонт длительностью от двух недель до трёх месяцев и встраивались в следующий по графику караван.

Сегодня утром, в 6:30 по московскому времени, получил разрешение и вышел из порта Сабетта сухогруз АНЛ — Blue Ray. Точка randevу с караваном в пятидесяти морских милях севернее острова Свердруп. После выхода из гавани Обской губы судно останавливалось на шесть часов, уведомив о профилактике рулевого устройства, после чего возобновило движение.

«Спрогис» прогнозирует риск высадки диверсионной группы, оснащённой экзоскелетными боевыми костюмами. Его выкладки основаны на следующих фактах:

Первое. Согласно декларации и судовой роли судно Blue Ray перевозит роботизированные приборостроительные комплексы непрерывного цикла. Груз сопровождает группа из пяти специалистов компании ASSA, производителя оборудования, входящего в состав транснациональной корпорации ASMC, которая специализируется на производстве и продаже интегральных схем и полупроводниковых пластин в Азии, Европе и Северной Америке, а также...

— Спасибо, про этих я знаю подробно, — улыбнулся генерал Шувалов, прерывая поднятой рукой и показывая, что можно не продолжать по этому пункту. — Дальше, пожалуйста.

— Второе. Искин «Витте»¹, Министерства Внешней Торговли в ответ на запрос нашего ИИ сообщил о резком падении цен на акции биоинженерной компании группы «Прайзер», а также зафиксировал коррелирующее падение цены акций ряда других компаний, в том числе — судоходной компании ANL, австралийские национальные линии.

Третье. Система наблюдения за ближним космосом АН ССНР доложила о начале неконтролируемого вхождения в атмосферу спутника «Ковчег-17» в 21:57 по московскому времени. Крупные оптические комплексы БТА и «Пик Терскол» наблюдали инверсионный след. Подробнее по спутнику докладывали в сводке на 9:00. Предварительная зона падения спускаемой капсулы определена на территории морской акватории Карского моря и северного побережья Северо-Западной Сибири.

Наземные и атмосферные средства наблюдения норильского погранотряда направлены для патрулирования устья реки Енисей и акватории Енисейского залива, а также Тазовского района. Воинские части и подразделения химической и радиационной защиты мобилизованы и находятся в боевой готовности на аэродромах подскока. На базах Дягилево-3, Рязань, Кольцово и Новосибирск мобилизованы группы БРПК-К московского, новосибирского и благовещенского высших командных училищ ВКС.

Специалисты ЦУП уверены, что сработает двухступенчатая траектория посадки аппарата — с подскоком. Возможны разрушения целостности корпуса при входе в плотные слои атмосферы и, в случае наличия биологически опасных компонентов на спутнике, есть риск заражения.

¹ Граф Сергей Юльевич Витте (1849-1915)—русский государственный и политический деятель. Министр путей сообщения, министр финансов)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.